

Никто из нас не знает, сколько торжественных речей в Эстонии начиналось какой-нибудь из версий цитаты из Юхана Лийва: «Кто не помнит прошлого, живет без будущего». Или аналогичным по сути афоризмом кого-то из великих, например, Сантаяны или Вольтера.

Но каким бы справедливым это изречение ни было, в нем заключена одна глубокая и не совсем приятная истина – каждый помнит события по-разному, и зачастую это совсем другие события.

Коммунистический лидер, вероятно, хуливший советскую власть в так называемом «Белом доме» – Центральном комитете КПЭ – вспоминает это как особый вид борьбы за свободу. А вот Малл Йыги пишет в недавнем выпуске журнала «Лооминг» о своем отце, литературоведе и переводчике Олеве Йыги, которому эти же ретивые карьеристы измотали все нервы в том самом Белом доме. Так, что в конце концов Йыги отказался от должности главного редактора им самим созданного журнала «Кеэль я Кирьяндус».

Некоторые из карьеристов, мотавших нервы Олеву Йыги, сегодня стали успешными бизнесменами. Пожалуй, они вовсе не помнят или, по меньшей мере, не помнят в деталях, как они издевались над эстонскими творческими деятелями.

Одни с ужасом вспоминают времена, когда сгоняли в колхозы, другие до сих пор проклинают конец колхозной эпохи.

Некоторые помнят жестокость организаторов депортации, а те называют себя «уполномоченными». Пока мы сосредотачиваемся только на воспоминаниях, будущее остается за теми, чью память громче усилит медиа.

В этом году мы убедились, что и государства помнят историю весьма по-разному. Они часто и не понимают, что они причинили друг другу, и отказываются верить в это. Представители государства не могут апеллировать к субъективности, а должны находить опору в отрицании и игнорировании фактов. В плане этическом нет никакой разницы, отрицают ли холокост, катынская бойня или женщины, которых японские

солдаты во второй мировой войне использовали в качестве сексуальных рабынь.

Что делать, если история стала видом когнитивной психологии, столь же неправым и обманчивым, как сам человек?

Для этого нужны архивы. Хотя архив сам по себе не отождествляется с истиной и, как нам хорошо известно, ни архивы не свободны от подтасовок, ни их пользователи от собственной субъективности. Кое-кто по-прежнему, даже в этом столетии, считает информацию, полученную на допросах в НКВД, достаточным доказательством; однако, у его коллег материал такого рода не заслуживает доверия.

Архивы – reality check (проверка реальности) наших мифов, поверий и воспоминаний. Кто из нас, посещая места игр своего детства, не удивлялся, что все такое маленькое? Но, оставив пока без ответа, на мой взгляд, привлекательный вопрос – является ли предпосылкой нашего будущего наше доказанное или скорее вспоминаемое нами прошлое – я сосредоточусь на рассмотрении нашей собственной истории.

Дамы и господа!

Что нам делать, если большая часть нашей недавней истории состоит именно из субъективных воспоминаний? Мы время от времени слышим и читаем, что жизнь в Эстонской ССР была в чем-то лучше, чем сейчас. Несколько месяцев назад один известный немецкий тележурналист утверждал в своей передаче, что демографическая политика третьего рейха была лучше нынешней. Телеканал тотчас же уволил этого журналиста. В Эстонии аналогичные заявления о не менее зверском режиме никто особо не осуждает, за исключением вашего покорного слуги. Почему?

На самом деле все очень просто: история Германии и преступления нацистов настолько основательно изучены и хорошо известны, что и в голову не приходит поставить миллионы убитых на одну чашу весов с демографической политикой нацистов. В Эстонии же, напротив, мы остались в своих исторических исследованиях по большей части на уровне воспоминаний и мемуаров.

Профессор Оксфордского университета Норман Дэвис, один из немногих западноевропейских историков, вообще понявших суть истории Восточной Европы, сказал:

«Черчилль сказал, что история принадлежит победителям. Но то, что осталось незаписанным, намного сложнее. Кто-то думает о побежденных, забывая при этом, что после Второй мировой войны проблема большей части Европы была не в том, что побежденные не оставили письменных мнений о своих мерзких поступках, а в том, что поработанные не смогли написать о своих страданиях.».

Мы знаем, к чему это приводит.

Вот свежий пример: субъективные, то есть политизированные или своекорыстные, воспоминания разных людей о том, кто и что делал в Тарту 20 лет назад, начинают использовать в повседневной политике и борьбе за власть.

Во время оккупации, когда чужеродная власть была заинтересована в стирании и искажении эстонской исторической памяти, нашу историю пытались изменить, скрыть и переписать. Стирая самостоятельность Эстонии из нашей памяти, пытались приспособить многие события в угоду оккупационной власти. Исторические знания остались только в рассказах и воспоминаниях наших предков.

Но, к счастью, это время давно позади. Однако наши знания о нем зачастую остаются запомнившимися нам рассказами родителей о жизни в Сибири, в редакции «Кеэль я Кирьяндус», в землянке лесных братьев или за лагерной решеткой.

Если эти воспоминания и рассказы известны лишь в узком семейном или дружеском кругу, то мы имеем дело с фольклором, который через несколько поколений исчезнет или станет легендой. Такой же, как рассказанная моим отцом история, как мой дед спасся от русской армии. Забавная история, но и только.

Записанные и таким образом сохраненные для других воспоминания – это, разумеется,

большой шаг вперед, поскольку они становятся артефактом, data (данными), которые позже можно проверить и сравнить с другими аналогичными случаями, преступлениями, репрессиями и т. д. Поэтому стоит поблагодарить президента Леннарта Мери, который был достаточно прозорлив, чтобы призвать людей записывать свои воспоминания. Будем благодарны и тем эстонцам, которые послушались его призыва.

Следует признавать и поддерживать другие подобные инициативы.

Например, призыв музея Лайдонера – уже распространившийся в Латвию и Литву, – ко всем эстонцам, служившим в Советской Армии, заполнить анкету и записать свои воспоминания о военной службе.

Этот сбор воспоминаний может перерасти в настоящее историческое исследование, ставящее целью выяснить, куда и когда отправляли призывников из Эстонской ССР, в какие рода войск, на какие операции и т. д. Это все – одна из наиболее ревностно скрываемых тайн, для распутывания которой нет иной возможности, кроме как собрать из тысяч осколков какую-то заслуживающую доверия картину. Ведь чрезвычайно маловероятно, что в обозримом будущем перед эстонскими исследователями откроются архивы Советской Армии.

Дамы и господа!

И все же дорога от записывания воспоминаний до написания истории весьма длинна; по крайней мере, до написания такой истории, читая и изучая которую, мы действительно сможем сказать, что именно так все, очевидно, и было. Наш метатрагизм заключается в том, что у нас до сих пор нет всерьез воспринимаемой и основополагающей истории Эстонской Республики времен оккупации. Трагично и заслуживает сожаления, что у нас нет многих данных, необходимых для исследований. Кроме того, недостаточен доступ к данным, которые позволили бы нам понять, кем, когда и где отдавались тайные приказы или принимались решения НКВД, КГБ или Центрального Комитета КПСС, имевшие огромные последствия для эстонского народа.

Так мы и оказываемся в беспомощном положении, когда одни выпускают воспоминания, а другим просто неохота изложить что-то на бумаге. И так, хромя на обе ноги, мы как

будто пытаемся разобраться в своем прошлом. Именно этот дефект позволяет бывшим членам когда-то единственной партии, желающим свести счеты, несколько недель фигурировать на первых страницах нашей все более желтеющей прессы.

Повторюсь: нам не хватает само собой разумеющихся для немецких, британских или французских историков основополагающих материалов о решениях правительства и даже о людях, их принимавших. Поэтому эстонские историки, вместе со своими латвийскими, литовскими, украинскими, грузинскими и, конечно, российскими коллегами в профессиональном плане находятся в гораздо более затруднительном положении. По крайней мере, до тех пор, пока мы не захотим написать такую историю, которую мы в общем привыкли видеть у западных авторов.

Здесь также есть возможность: писать такую историю, как хотел Леопольд фон Ранке, историю, *wie es eigentlich gewesen ist*, то есть «как было на самом деле». И, как сам Ранке, опираться на доступные нам материалы.

Помимо архивов, какими бы скудными наши архивы недавней истории ни были, нам понадобятся воспоминания о цензуре КПЭ, о праздновании рождества, о вербовке в комсомол, о преследовании детей авторов «письма 40» и об угрозах их родителям. Обо всем том, *wie es eigentlich gewesen ist*.

Все это не означает, что существующие архивные материалы 1940–1989 годов не годятся. Разумеется, их следует использовать, осознавая, конечно, что в них часто встречаются и непригодные компоненты.

Разумеется, следует по-прежнему добиваться доступа к архивам ЦК КПСС в Москве; туда, где есть материалы о том, кто и что тогда решал, какая доля тех решений фактически исходила из Политбюро и сколько ответственности лежит на совести местных деятелей.

Но мы также должны систематизировать наши воспоминания. Например, воспоминание о том, что товарищ Y запретил гражданину X публиковать печатные работы. Если мы соберем достаточно воспоминаний и свидетельств, сравним и проверим их в доступных архивах, то в конечном итоге у нас должен получиться заслуживающий внимания обзор

интеллектуальных преследований и цензуры в СССР, как это было на самом деле.

И пусть все эти данные – на самом деле, вполне пригодный интеллектуальный и этичный памятник эпохе оккупации – навеки будут доступными всем, как собранный Якобом Хуртом фольклор в архивах Эстонского литературного музея.

Дамы и господа!

Давайте перейдем от философской постановки вопроса к делам более конкретным.

В Эстонии почти десять лет действует международная комиссия по расследованию преступлений против человечества, созданная президентом Леннартом Мери, или, как ее называют, комиссия Якобсона. Ее работа и деятельность подходят к концу.

Вернее, подходит к концу период, рассматриваемый комиссией, поскольку «преступления против человечества» по смыслу международной конвенции, заканчиваются в Эстонии, по большей части, со смертью Сталина. Хотя мы можем поспорить, когда точно закончились квалифицируемые таким образом злодеяния, уже сейчас ясно, что тогда завершилось время выстрелов в затылок и массовых депортаций, но не политических репрессий. Они продолжались почти до восстановления независимости.

Для систематического и беспристрастного изучения и фиксирования этой истории Эстонии нужно новое учреждение.

Я рад сообщить, что в сотрудничестве с Министерством юстиции мы должны довольно скоро воплотить в жизнь идею создания Института памяти Эстонии, задачей которого будет письменное фиксирование новейшей истории и происходящих сейчас событий, их разъяснение и анализ.

Выполнить это под силу только академическому исследовательскому учреждению, деятельность которого, естественно, будет безупречной и честной.

В утешение позвольте мне напомнить, что в этих вопросах мы не первые и не единственные, кто ломает копья, рассматривая историю.

Предполагаемый «крестный отец» эстонской истории Тацит почти две тысячи лет назад в своих «Анналах» писал:

«Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всемогущими, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о principate Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия...».

Ключевая фраза здесь – *sine ira et studio*, «без гнева и пристрастия». Именно так. Но в то же время наш долг перед собой и всеми последующими поколениями – оставить правдивое описание своего прошлого. Чтобы мы сами осмыслили и осознали, что здесь произошло, что выпало на долю народа Эстонии и кто и как пережил эту годину. Чтобы наши внуки никогда не должны были задаваться легендарным вопросом, который приписывают шведам по поводу депортации: «А почему никто не позвонил в полицию?».

Задача Института Памяти Эстонии и состоит в том, чтобы систематично зафиксировать в письменном виде наши знания так же основательно, как это сделала комиссия Якобсона. Этих материалов намного больше, многие пострадавшие от коммунизма, как и их притеснители, еще живы.

И пусть у каждого будет возможность задать вопросы и дать разъяснения, причем не на страницах газет, а в кругу академических экспертов. И, разумеется, строго добровольно, поскольку ни одна комиссия не может взять на себя функции суда. Молчание – это конституционное право, распространяющееся на всех, равно как и свобода слова.

Но моральный долг перед нашими предками, перед нашими детьми и всем народом, ясен: объяснить, как все было на самом деле, wie es eigentlich gewesen. Следует не судить, а понимать, объяснять и анализировать. Без гнева и пристрастия. *Sine ira et studio*